

К Р О К О Д И Л

№ 25 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

Рис. Кузнецкий.

Фашистская печать всячески раздувает «неприступность» так называемого атлантического вала.

Сплошное надувательство.

ГАДАНИЕ

Рис. К. Елисеева

Многие немцы перестают верить в победу германского оружия.

— Верит — не верит? Верит — не верит?..

ОГОНЬ, ВОДА, ВЕРЕВКА

Крупных крупновских заводов
Корпуса

Стаей взмыли в дымный воздух,
В небеса.

Вниз рванулись бомбы к цели —
Горячи!
Вверх заводы полетели,
Как пращи!

Ливень хлынул в бреши дамбы —
В добрый час!
Потонуть, герр Гитлер, вам бы
В самый раз.

Но народ присловье ловкое
Сложил:
Не утонет, кто верёвку
Заслужил.

Не волна его закроет,
Не вода:
Наша сила гада смочет
Навегда!

Алексей РЕЗАПКИН

СЧАСТЬЕ

В ОДНОЙ частной квартире в Берлине собрались три немецких коммерсанта.
— Ручаюсь вам, что если меня не пришьют по тотальной мобилизации, я за год утрою моё состояние! — гордо сказал один из них.

— А я учетверю его! — сказал второй.

— А я, клянусь, стану через год самым богатым человеком в Германии! — воскликнул третий, самый невзрачный из всех.

Первый был оптовым торговцем траурным крепом. Второй поставлял кандалы и наручники для концлагерей. А третий был владельцем транспортной конторы по вывозке битого кирпича и строительного мусора по всей Германии.

А. ФЛИТ

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

СТОКГОЛЬМ, 14 июля. Берлинское радио сообщало, что на Орловско-Курском и Белгородском направлениях «в бой не введены сколько-нибудь значительные германские танковые силы».

В осведомлённых кругах разъясняют, что в это сообщение вкралась досадная (для ставки Гитлера) опечатка. Вместо «в бой не введены» надо читать «из боя не выведены». Так как только за первые четыре дня германского наступления было подбито и уничтожено 1843 немецких танка.

БЕРЛИН, 14 июля. Газета «Фелькише Beobachter» опубликовала следующее объявление: «Гитлер Адольф меняет имя Савл на Павел». В связи с этим циркулируют упорные слухи, что и Муссолини Бенито подыскивает для себя новое имя.

МИНСК, 12 июля. Как уже сообщалось, газета «Минскер цейтунг» опубликовала список крупных гитлеровских чиновников в Белоруссии, уничтоженных партизанами. Сейчас стало известно, что в последние дни среди

белорусского населения появился большой спрос на газету, ввиду того что «Минскер цейтунг» собирается печатать из номера в номер продолжение этого списка.

СТОКГОЛЬМ, 12 июля. Здесь стало известно, что германский генерал Макензен посетил в своё время Ростовский музей, где выставленные картины настолько захватили его, что, уходя оттуда, он захватил выставленные там картины.

БЕРЛИН, 12 июля. Представитель министерства пропаганды заявил журналистам нейтральных стран, что заводы Круппа ничуть не пострадали от воздушных налётов. В подтверждение сего корреспондентам розданы две прилагаемые при сем фотографии.

Заводы Круппа до того, как они не пострадали от налёта англо-американской авиации.

Заводы Круппа после того, как они не пострадали от налёта англо-американской авиации.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Состояние здоровья Б. Муссолини продолжает оставаться напряжённым.

Консилиум германских коновалов установил у больного водянку в резко выраженной форме.

Консилиум предполагал выкачать воду пожарной помпой, но дуче категорически отказался от операции и даже рассердился, говоря, что вода является естественным барьером и защищает организм.

Опасаются, что вода ударит в голову больного и тогда больной окончательно загнётся.

Пока состояние больного ниже удовлетворительного. Дрожь в коленях продолжается. Вялость усиливается. Под ногами горит почва.

Старший ординатор Крокодила
заслуженный деятель
М. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

✓ Дело было в Витебске

В КОНЦЕ марта сего, 1943 года в Витебске исчезли: несколько дюжины нахальных немецких физисномий, германская комендатура, много вагонов и паровозов, а также висевшая на площади карта военных действий.

Всё это нам стало известно сейчас, ибо только несколько дней назад до нас дошёл тот номер витебской фашистской газеты «Новый путь» (вот-те и на — нсвий путь!), в котором подробно описываются все перечисленные выше происшествия.

«Открытое письмо господам паникёрам» — так называется эта весёлая статья в витебской газете.

Есть такие отчаянные храбрецы, которые во время пожара бегут в одних подштаниках по комнатам и, выпучив глаза, высунув язык и заикаясь со страха, вопят:

— Только без паники!.. Только без паники!.. Караул!!!

В таком пожарном состоянии почувствовали себя весной немцы в Витебске. Фронт всё ближе подходил к городу. Местные жители угрюмо молчали. Но всякий грамотный человек мог бы прочесть в их глазах слова радости и надежды — «Вязьма», «Сычёвка», «Великие Луки»...

Господа оккупанты замечались. И господа оккупанты сперепугу сочинили письмо господам паникёрам:

«Только без паники!.. Только без паники!.. Караул!!!»

На площади висела карта с обозначением линии фронта — её немедленно брали, — тайком, ночью, чтоб никто не видел.

Тайком, ночью, чтоб никто не видел, удрали комендатура.

Тайком, ночью, чтоб никто не видел, уходили на Запад паровозы и вагоны.

В вагонах немцы отправляли домой награбленное добро. Вместе с бараклом улепётывали и толстомордые фашистские чиновники — тайком, ночью, чтоб никто не видел.

И тайком, ночью, чтоб никто не видел, рвались на партизанских минах немецкие эшелоны...

«Только без паники!.. Только без паники!.. Караул!!!»

— Караул! — кричал фриц фрицу.

— Караул! — хрюкали бургомистры и прочие немецкие холуи, почувствовавшие весной сильный озноб.

На холуёв накричали:

— Мы другое дело! Но вы не имеете права ударяться в панику. Выше голову, господа свиньи!

И вот в те дни для успокоения свиней и появилось в газете «Открытое письмо господам паникёрам».

В первых строках этого письма говорится:

«Многие болтуны говорят чепуху по своей глупости, но есть и такие, которые распускают слухи для распространения паники».

Дальше идёт подробный перечень слухов.

«Фюрер Адольф Гитлер отнюдь не болен смертельно».

Болен или, к сожалению, не болен Гитлер, — этого витебчане знать не могли. Но почему дал тягу вполне здоровый комендант со своей комендатурой?

«Отъезд комендатуры есть только обычное перемещение и ничего больше...»

И ничего больше? Почему же десятки немцев так поспешно покинули Витебск?

«Граждане города Витебска немецкой национальности уезжают из города не из страха перед красными».

Они, видите ли, внезапно затосковали по родине и уехали в фатерланд!

Ну, а паровозы и вагоны тоже затосковали по родине?

«Что же касается отъезда (!) из Витебска паровозов и вагонов, то скоро они снова вернутся».

А что с картой, почему она исчезла? Карта, понимаете ли, сильно простудилась.

«Географическая карта с занесённой на ней линией фронта убрана только потому, что зимние морозы и весенние ветры покоробили фанеру».

А, может, дело не в фанере и не в морозе и ветрах, а в том, что Красная Армия покоробила линию фронта? Об этом, конечно, газета умалчивает, пытаясь утаить шило в мешке.

Вдобавок ко всему этому мы узнали следующее: в день опубликования «Открытого письма господам паникёрам» несколько местных господ паникёров отправились рано утром на квартиру редактора газеты, чтобы спросить его по-деловому:

— А всё-таки: что же происходит и что будет с нами?

Квартирная хозяйка сказала им, что редактор ещё с вечера начал паковать чемоданы («Только без паники!..»), ночью забрал все свои вещи («Только без паники!..»), а заодно («Караул!!!») захватил и её вещи, с которыми и уехал на вокзал...

Видимо, те же зимние морозы и весенние ветры покоробили не одну фанеру, но и душевное состояние фашистского писака.

И покоробили не только серьёзно, но и надолго. До сих пор брава-ый автор письма господам паникёрам не рискует вернуться в Витебск, как и не рискуют витебские немцы вновь повесить карту с обозначением линии фронта.

Г. РЫКЛИН

АХ, КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ...

Рис. Б. Клинча

Перепуганные итальянцы срывают с себя фашистские значки и повязки.

— Джузеппо, ты забыл забыть дома повязку!

СОВРЕМЕННАЯ ТАРАНТЕЛЛА

Рис. В. Фридкина

Один из пленных итальянских солдат на острове Пантеллерия растоптал портрет Муссолини.

— Что касается меня, то я предпочёл бы оригинал!

БОМБОВАЯ УХА

Дорогой Крокодил!

Я пишу тебе это письмо из партизанского отряда, действующего в Белоруссии. Уж очень хочется мне рассказать, как однажды немцы помогли нам, партизанам, приготовить вкусную уху.

Долго выслеживали немецкие лётчики наш партизанский аэродром. Совершили они налёт в ночь на 4 июня. Они действовали решительно и смело, уверенные в безусловном успехе своей операции.

Спустившись до высоты в 150—200 метров, немецкие лётчики поразили всех нас меткостью своего бомбометания: все сброшенные бомбы угодили прямо... в озеро.

Количество оглушённой рыбы не поддаётся учёту, но по секрету скажу, что её хватило, чтоб приготовить уху и для партизан и для местного населения. Этой ухой мы питались несколько дней.

На однообразие нашего меню мы не жаловались: что с фрицев спросишь?

Партизан НИКИТА

Тыл врага.

Чистая душа

У ЛЯЛИ Крылышкиной, начинающей эстрадной артистки, выступавшей в госпиталях и учреждениях с чтением басен Крылова, была одна заветная мечта: поехать с бригадой на фронт.

Часто, торопясь на концерт, Ляля тряслась в московском трамвае, смотрела в окно и видела... заснеженный лес, землянки, бойцов с автоматами и себя, в полушубке и ушанке с красноармейской звездой, читающую пламенные и прекрасные стихи. И вдруг неожиданно начинается бой. И Ляля Крылышкина идёт с бойцами в атаку. И Лялю Крылышкину убивают... нет, лучше ранят! И вот её приносят в госпиталь на носилках, и красивый генерал, который слушал её на концерте, говорит:

— Гражданка, вы здесь сходите или не сходите?! Дайте другим сходить!..

Ляля открывала глаза и вместо красивого генерала видела синюю от злости трамвайную старушку с «авоськой».

Попробовала Ляля поговорить о поездке на фронт с заведующей кадрами большого и очень шумного учреждения, которое ведало артистами, выступающими на концертах, но потерпела полное фиаско.

Заведующая кадрами Клара Людвиговна, крупная дама, скептически поглядела на покрасневший от волнения лялин нос и сказала:

— Там с героическим репертуаром надо выступать, милочка, а у вас... басенки!..

— Я приготовлю что-нибудь актуально-героическое, Клара Людвиговна!.. Басни для меня — пройденный этап!..

— У вас наружность лирико-комической, милочка! А по линии лирико-комической у нас бригады уже укомплектованы.

Неизвестно, осуществилась ли бы лялина мечта, если б неожиданно на басни Крылова не обратил внимания Аркадий Порейский — злободневные куплеты под саксофон.

Аркадий Порейский был немолод, лыс, но бодр, носил клетчатые бриджи и краги и говорил про себя, что он старый фронтовик.

Ляля часто слушала, как он на лестнице рассказывал актёрам о своих фронтовых приключениях.

— Хотите — верьте, хотите — нет! — говорил, бывало, Порейский, — но меня немцы персонально бомбят на фронте. Честное слово!.. Куда ни поеду, — обязательно попадаю под бомбёжку. Вот как-то приехал я к лётчикам. Только начал своё знаменитое: «Однажды Фриц затеял блиц, та-рам-пам-пам, та-рам-пам-пам!» — как сверху начинается та-рам-пам-пам, та-рам-пам-пам!.. Тогда один капитан не выдержал, встаёт и говорит: «Извините, товарищ Порейский, одну минутку!» Садится в истребитель, поднимается в воздух, заходит немцу в хвост и как даст ему та-рам-пам-пам! Немец выбросился с парашютом, и его взяли в плен. Приводят в наш блиндаж. Допрос — тут же. Немец говорит: «Нам известно, что у вас выступает с огромным успе-

хом один ваш знаменитый артист, командование поручило мне его разбомбить». Капитан говорит: «Вот он, можете его послушать». Ну, я тут и рванул: «Однажды Фриц затеял блиц, та-рам-пам-пам, та-рам-пам-пам!» Немца всего так и перекосило!..

Вот к Порейскому-то Ляля Крылышкина, набравшись смелости, и обратилась с просьбой взять её с собой на фронт. Порейский спросил:

— Вы, кажется, басни читаете, деточка?

— Басни для меня — пройденный этап, Аркадий Осипович. Я могу и героическое!..

— Зачем же!.. Басни — это хорошо!.. Я как-то слушал, вы очень мило рычали, изображая волка... Это смешно... Я вас возьму, мы поедём втроём: я, певица Зарайская и вы!.. На фронт едем послезавтра. Собирайтесь!

Два дня Ляля жила, как во сне. Бегала по знакомым, прощалась, достала себе ватные стёганные штаны и шикарную ушанку.

Машина выехала на ледяное, остро блестящее шоссе уже под вечер. Вот патруль в последний раз проверил документы, шофер дал газ, и Ляля Крылышкина помчалась на фронт.

Утомлённая переживаниями, она незаметно для себя уснула и проснулась только тогда, когда Порейский тронул её за плечо и сказал:

— Приехали, деточка! Вылезайте!

— Уже... фронт?!..

— А как же!

Через полчаса Ляля уже стояла на самодельной эстраде в холодном сарае и читала своего коронного «Волка на псарне». Читала она хорошо, а когда зарычала, изображая «серего приятеля», в зале дружно захлопали.

Потом, содрогаясь могучим бостом и закатывая глаза, Зарайская спела несколько цыганских романсов, и, наконец, дуя в саксофон, подмигивая и приплясывая, на эстраду выскочил Порейский и лихо затянул своё:

«Однажды Фриц затеял блиц, та-рам-пам-пам, та-рам-пам-пам!»

Потом они втроём вышли раскланиваться, и Лялю удивило, что красноармейцы, сидевшие на длинных скамейках в «зрительном зале», в подавляющем большинстве были почтенные, пожилые люди.

Пришёл какой-то военный в полушубке и повёл артистов ужинать. За ужином Ляля пыталась узнать у Порейского, где, собственно говоря, они находятся, но он, поглощённый едой, только мотал головой, а в конце концов даже рассердился и сказал:

— Не мешайте мне кушать, деточка! Я не могу разговаривать, когда кушаю.

Поев, он куда-то убежал, а Лялю с Зарайской отвели в маленькую чистенькую комнатку, где стояли две кровати.

Ляля накинула шубку и ошупью вышла на двор. Было морозно, зловец тихо и звёздно Ни выстрелов, ни гула канонады. От этой тишины Ляле стало не по себе. Вдруг она услышала какой-то странный воющий звук. Он возник и сразу прекратился. Потом опять

возник... И опять прекратился... Ляле стало немножко страшно, но страх этот был ей приятен. Вот она, долгожданная ночь на фронте!..

На крыльце появился знакомый военный в полушубке и кашлянул. И сейчас же изда-лека опять донёсся воющий звук.

— Скажите: это мина? — робко спросила Ляля.

— Мина! — сказал военный, улыбаясь.

— Наша или их?..

— Наша.

— Почему не слышно разрывов?

— Я вас не понимаю! — сказал военный и прибавил: — Вот ведь паршивая какая собака: спать вам не даёт.

Он грозно закричал в темноту:

— Мина, замолчать!

Воющий звук сразу же оборвался.

— Скажите, а эти... немецкие блиндажи далеко от нас?..

— Вы же в пятнадцати километрах от Москвы, товарищ артистка!.. На продскладах!.. Постойте, куда же вы?..

А через неделю на лестнице, где собирались артисты, Ляля услышала, как Порейский рассказывал о своей последней поездке на фронт.

— Мы ехали через ещё не обезвреженные минные поля, — говорил он, энергично жестикулируя, — кругом всё так и воет, так и рвётся. А мы едем!..

Он оглянулся, увидел Лялю, закашлялся, сделал вид, что не заметил её, и неожиданно закончил:

— Девочка эта, Крылышкина, отлично держалась, молодцом!

— Зачем вы врётё, — сказала Ляля металлическим голосом, — про минные поля?.. И вообще!.. Вы врун! Врун!

У Порейского отвалилась челюсть, глаза полезли на лоб.

— Я не позволю! — заквакал он. — Я старый фронтовик!..

А ещё через две недели Ляля Крылышкина ехала в грузовике по снежной дороге. Вдали, на западе, глухо гремели артиллерийские залпы. Рядом с Лялей сидел их бригадир, молодой левец с симпатичным лицом, и под аккомпанемент далёкой канонады напевал:

«Невольно к этим грустным берегам меня влечёт неведомая сила!..»

Ляле было тревожно и радостно, потому что на этот раз кругом всё было настоящее: и фронт и люди, окружавшие её.

Она вспомнила Порейского, вой Минны, свою наивность, засмеялась и сказала певцу:

— Знаете, Миша, если в жизни вы чего-нибудь очень хотите, то всё так и случится, как вы этого хотите... Надо только очень сильно желать!.. Правда?

Леонид ЛЕНЧ.

ПОСЛЕ СТАТЕЙ ГЕББЕЛЬСА О МОЛЧАНИИ

Рис. А. Каневского

МЕТКИМ УДАРОМ

(По столбам красноармейской печати)

В ПАРИЖЕ

— Пьер, какое впечатление ты вынес после встречи с немецким офицером?

— У него очень холодные пальцы.

— Он с тобой здоровался?

— Нет, он снимал с моей руки часы.

(«Фрунзевец».)

ОПРАВДАЛСЯ

— Кто смеет оскорблять меня, офицера германской армии?! Разве я убежал от русских? Ничего подобного! Я улётел на самолёте.

(«Патриот родины».)

— Знаешь, Карл, наш Гансик начал говорить.

— Тсс! Тише! Никому об этом не говори!

СЛУЧАЙ С ДУЧЕ

Выходит дуче боком

Величья манья.

От всех колоний —

Воспоминания.

(«Красный черноморец»)

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

— Разбирая вчерашнюю нашу операцию, господин полковник, я как бы переживаю вторую молодость.

— Что вы хотите этим сказать?

— Точно такое же поражение я потерпел от русских на Украине в 1918 году.

(«На защиту родины».)

Улица ненависти.

Шумит вечерний «Эрмитаж»

В САДУ «Эрмитаж» недавно состоялось большое гуляние работников искусств. По аллеям бродили актёры и режиссёры. На скамейках сидели художники и скульпторы. Около концертной эстрады доругивались композиторы, пришедшие сюда прямо с дискуссии о массовой песне...

Дежурный милиционер тщётно взывал: — Разойдитесь, граждане!.. Честное слово, неудобно... Публика слушает... Товарищ Храпченко каждую минутку подойти могут... И такой скандал!..

Кто-то из композиторов обиделся: — Это не скандал, а творческая дискуссия... Ты, друг, слабо разбираешься в музыке...

На что милиционер резонно заметил: — Зато я отлично разбираюсь в ругани... За такую музыку у нас в отделении меньше чем на сто рублей не штрафуют...

Собственно говоря, вся принципиальная часть нашумевшего выступления композитора Дзержинского свободно умещается в обыкновенном грамматическом спряжении глагола «происходить»...

Попробуем же, так сказать, проспрягать этот глагол, как спрягал его на дискуссии Дзержинский...

Единственное число:
Я (Дзержинский) — происхожу от Глинка.

Ты (Кабалевский) — происходишь от Глинка.

Он (Дунаевский) — происходит бог весть от кого...

Множественное число:
Мы (Дзержинский и Кабалевский) — приходим прямехонько от Глинка...

Вы (Дунаевский и Милютин) — приходите не то от европейского мюзик-холла, не то от московского коктейль-холла.

Они (братья Покрасс) — происходят просто от покойного брата Самуила из Америки, автора музыки к фильму «Три мушкетёра».

Вот и всё...
Запрошенный по этому поводу один весьма известный музыковед дал следующую справку:

— Михаил Иванович Глинка — величайший русский композитор, создатель гениальной оперы «Иван Сусанин»... Иван Иванович Дзержинский к этому событию никакого отношения не имеет...

Кто-то из ругавшихся у концертной эстрады заинтересовался:

— А почему в «Эрмитаже» не видно композитора Блантера? Где он?..

Музыковед сурово отрезал:

— В тупике!

— Как?! В каком тупике?.. В Хлыновском?..

— В творческом! Вы что, на дискуссии не были? Там ясно сказали: Блантер сейчас находится в тупике...

Собеседник с сомнением покачал головой: — А по-моему, он сейчас находится в столовой.

— Значит, уже вышел из тупика... Дзержинский забеспокоился:

— Надо Кабалевскому сообщить — тот его обратно загонит... А то не уследи за Блантером, так он, того гляди, опять какую-нибудь хорошую песню вроде «До свидания, города и хаты» напишет...

Между тем сад наполнялся. Явился, встреченный аплодисментами и цветами, Игорь Моисеев и его талантливый ансамбль народного танца. Всеобщее внимание привлекла группа мхатовцев во главе с режиссёром Кедровым.

— Товарищи, правда, что в спектакле «Глубокая разведка» все блестяще играют?..

— Правда... Болдуман, Белокур, Прудкин, Попова, Жилыцов, неизвестный доселе артист Эзов... Праздник актёрского мастерства...

Многие недоумевали: — Праздник актёрского мастерства?.. Все лавры актёрам?.. Как же допустил Кедров?

— Верный ученик Станиславского... Режиссёр, согласно заветам Константина Сергеевича, должен на спектакле умереть в актёре...

Кругом засмеялись: — Ну да! В большинстве случаев скорей актёр умрёт на репетиции, чем режиссёр на спектакле...

— Взять хотя бы Охлопкова... Он всю труппу задует декорациями, а сам не умрёт...

На контроле у входа в сад стоял один суровый деятель реперткома:

— А, товарищ Ярон!.. Здравствуйте... Небось, с «Марицей» пришли?

— С «Марицей»...

— Всё веселитесь?.. Публику развлекаете?.. «Сильва», «Марица», «Девушка из Барселоны»... Нет того, чтобы дать зрителю и поскушать... Стыдно, товарищи!.. Что у вас дальше в репертуаре?

Ярон вздохнул: — «Аскольдова могила»... Старинная русская музыка... Новый старинный текст пишет Шкваркин...

Деятели реперткома задумались: — «Аскольдова могила»?.. Гм... Нет, ваш театр могила не исправит... В оперетте хорошо бы показать не одну могилу, а целое кладбище... Вот тогда будет то, что нужно, а не просто легкомысленное веселье...

Темнело. Публика расходилась под робкие звуки перепуганного джаза, который всячески старался не заглушить играющий по соседству балалаечный оркестр...

Евг. БЕРМОНТ

НЕ ПРОЕХАТЬ НИКУДА

«...Кабан попал в силки, сломал свои клыки».
(А. Жаров.)

Силками ловятся чижик,
Щеглы и реполовы...
Но где, поэт, скорей скажи,
Ты зверя взял такого?

Запутавшийся в сеть силков,
Подобно птичьим стаям,
Кабан твой сильно бестолков,
Хотя неуязвимым.

«От подлеска до пруда
Всё бурьян да лебеда,
Всё бурьян да лебеда —
Не проехать никуда».

На деревне старикам
Гости лупят по бокам.
(А. Сурков «Партизанская разговорная».)

Можно молвить: стариков
Гости лупят с двух боков.
Можно молвить: старикам
Попадает по бокам.
Но неверно — стариков
Бить нещадно по бокам,
Как нельзя и: «Старикам
Гости лупят по бокам».

Лебеда-то лебеда,
Растёт, как полагаётся,
Но зря вся эта «лебеда»
Стихами называется!

Ник. АСЕЕВ.

О, ЭТИ ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА!..

Рис. Г. Валька

— Мне из русских окопов одна девушка строит глазки.
— Почему же ты прячешься?
— Она это делает через оптический прибор.

РАССКАЗЫ СОЛДАТА МУСИЯ ДОБРЫЙВЕЧЕР

КАРТА ПОЛТАВЩИНЫ

К ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ карте я привык только на войне. В моей теперешней профессии без неё, как птица без крыльев. Может, я так привыкну к ней да к компасу, что и в мирный период жизни мне без этих спутников не обойтись: буду от коридора до кухни по стрелке передвигаться...

А раньше мне карта к чему? Я по своей Полтавской области, как по батьковской хате колесил. Я дороги никогда не спрашивал. Сиди на возу, коняку подгоняй и к песням прислушивайся...

Ария Ленского из оперы Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин» зазвенела, — значит, к Рашевке приближаюсь. А в Сенце всегда оперетту любил — «Марицу» или даже «Цыганского барона». По соседству кузнец с могучим басом жил — «Тараса Бульбу» пел. А в Лютенках песню любят о канареечке, о чумаках...

Так и едешь себе и по голосам вместо компаса путь выбираешь...

Мусий Добрыйвечер умолкает, и голова его, большая и круглая, как глобус, склоняется на грудь:

— Не услышишь сейчас песни: немец там... Микола Коляда складывает руки на груди. Странной кажется его крепкая юношеская фигура в такой позе, обычной для пожилой женщины. Верно, мать свою вспомнил младший лейтенант.

«Там, де Ятрань крута вьётся,
Спид каменю бье вода...
Там дівчина воду брала,
Чорнобрива, молода...».

тихонько, тихонько затащил Коляда.
— Это к Берёзовым Лукам подъезжаем, — сказал Мусий. — Там всегда про Ятрань играют. Значит, скоро будем! Люди ждут нас. Нас с тобою и песню, что с нами ушла...

СЛУЧАЙ С МАСКИРОВКОЙ

КАК видите, мы в танкистах, а зимой, когда стояли, я в снайперах ходил и в разведку часто вызывался...

Ефрейтор Александр Павлюков вмешивается в разговор:

— Расскажите, как румыны вас за немца приняли.

— Рассказывай сам, — отвечает Мусий. — Это меня унижает.

И Павлюков рассказывает, как Добрыйвечер однажды натянул немецкую шинель и пошёл в разведку. Он дошёл до вражеского блиндажа и решил: была не была — войду! Держа в руках автомат, согнулся и влез в блиндаж. Три румына вскочили при его появлении. Портрет Гитлера заколыхался на спичке, воткнутой в стенку.

«Двоих уложу, а этого, с усами, возьму», — решил Мусий и тут же упал. Когда очнулся, увидел, что связан. Хотел пошевеливаться — да где там! Крепко вяжут, злодеи! Научились награбленное добро паковать!

Восемь румын суетилось вокруг него.

Мусий на пробу выругался по-немецки:

— Доннерветтер, швайн! — и осекся.

Тот самый антонеску, которого он собирался прихватить с собой, тот самый румын, которому он решил жизнь оставить, подошёл к нему и со всех сил пихнул ногой в бок. Мусий от обиды побурел, но стиснул зубы и решил держаться:

— Швайны! Швайны!

Румыны словно взбесились. Усатый сорвал со стены портрет Гитлера, харкнул на него и приложил к своему высохшему сиденью.

Потом схватили Мусия за руки и ноги и вытащили из землянки. Поспорили, покричали и, придя к соглашению, бодро двинулись в ту сторону, откуда недавно пришёл Добрыйвечер.

Они шли быстро, а когда уставали, то бросали Мусия в снег.

Мусий сносил всё терпеливо.

Он закрывал глаза и мурлыкал себе под нос, как сытый кот:

— Здорово дорогу к нашим знают! Только бы не заблудились.

ПЕРСПЕКТИВА

УЖЕ теперь меня серьёзно беспокоит одна перспектива мирной жизни. По ночам стал просыпаться и думаю: как же быть? Дело серьёзное. С такими людьми по-дружился, столько хороших друзей за время войны приобрёл — и все в гости приглашают.

— Приезжай, кацо, к нам в горы. Такой праздник закатим: радость-то!

— Приезжай, кунак!

— Приезжай, товарищ!

А мне к одному другу — таджику — девять дней добираться. Когда ж успеть? Два — три года придётся по гостям ездить... А дела сколько! Вот лежу по ночам и думаю: как же быть?

ЮХИМ МАРТИЧ

Перевод с украинского Т. СТАХ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Предложи, пожалуйста, директору Барнаурской швейной фабрики № 7 погулять в зимнастерке и брюках, изготовленных на его же фабрике. Пусть он гуляет так один только день, а завтра пусть явится прямо к городскому прокурору.

Учитывая, что на летнем обмундировании, выпускаемом фабрикой № 7, пуговицы и крючки больше дня не держатся, прокурору и одною взгляда на директора будет достаточно, чтоб возбудить сразу два дела: о появлении в общественных местах в непристойном виде и о выпуске брака фабрикой № 7.

Бойцы и командиры подразделения:

м. лейтенанта **ПОПОВА**
И. ЕМЕЛЬЯНОВ, А. ПОПОВ,
В. БОЙКОВ, А. ВАСИЛЬЦЕВ,
И. НАВАРОВ, СОКОЛОВ, СО-
ЛОВЬЕВ, ВОРОПАЕВ.

Дорогой Крокодил!

Скоро два года, как два областных военкомата — Челябинский и Чкаловский — ведут оживлённую переписку о назначении пособия матери младшего лейтенанта Корнева.

Есть такая детская игра «в почту». Дети играют и, приплясывая, поют: «Почтальон принёс письмо — ах, какая радость! Прочитали мы его — ах, какая радость!»

Одно дело — дети, но когда взрослые затевают игру «в почту», это не приносит никому никакой радости. Но даже дети оказались решительнее некоторых взрослых дядей из Челябинского и Чкаловского военкоматов: дети поиграют «в почту» час — другой, им надоест — и они бросят игру. Взрослые же играют вот уже два года, и этой игре конца пока не видать. Пособия тоже не видать...

М. САМОЙЛОВА,

старший инспектор гособеспечения
семей военнослужащих

г. Бреды, Челябинской обл.

Дорогой Крокодил!

В Клингу переполох. Из города исчезли все газеты за 7 и 8 декабря прошлого года, в которых было опубликовано постановление Совнаркома о закреплении за рабочими и служащими огородных участков на 5—7 лет.

Напрасно ссылается моя матушка на это постановление. Тщетно обивает пороги клинских учреждений. Бесцельно пытается доказать, что директор Промкомбината Скрыбин незаконно завладел её участком. Ей всюду невозмутимо отвечают: «Не знаем такого постановления. Не читали. Покажите его». А как показать, если из города таинственно пропали все газеты?

Теперь, очевидно, Скрыбин, копаясь на чужом участке, наслаждается тишиной и покоем и безмятежно рассуждает: «Нет, дудки! Теперь этот участок мой, никто его не отберёт. Почему постановление должно распространяться на какую-то старушку, а не на меня, Скрыбина?»

И. БОЧЕНКОВ,

слушатель Военной воздушной
академии имени Жуковского

Дорогой Крокодил!

Несмотря на то что у нас, в Балахне, с 1942 года водопровод ремонтируется, воды в городе сколько угодно. Она в избытке имеется на всех улицах города и хранится в довольно глубоких ямах.

Нельзя сказать, чтобы эти ямы способствовали удобному передвижению, но зато они выгодно отличают наш город от других городов, в которых взор прохожего то и дело натывается на однообразие мощёных улиц или унылую перспективу асфальта.

И ещё одно преимущество: выйдут «отцы города» из Дома советов, глянут на лужу, тут же уютно расположенную, и, как в зеркале, видят всю свою работу.

ЛУКИЧЕВА,
ПИРОГОВА

г. Балахна.

ИЗ ЦИКЛА ПОРТРЕТОВ «НЕ ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Рис. А. Каневского

ОБИЖЕННЫЙ

— Я понимаю, что идёт война...

Но люди-то живут, и я д-угих не хуже, —

Служу, как и служил! Скажите: почему же Я чувствую себя, как будто сел я в лужу, Как будто на меня понизилась цена?

Машины не дают — ну, хорошо! Не надо! И Груздев тоже стал ходить пешком...

Но почему обижен я пайком?

Ему — три банки со сгущённым молоком, А мне — лишь две! Ну, разве не досада?

Не в банке суть, отнюдь! Я сыт вполне, — Но сердцем я расстроен и обижен:

Зачем дают другим? И почему не мне?

Уж я молчу, боюсь сказать жене,

Что я на банку целую понижен!

Я понимаю, что идёт война,

Что там, на фронте, битвы и сраженья,

Но вы в моё войдите положение, —

Я сам к себе теряю уваженье,

Как будто на меня понизилась цена!..

А у меня и тёща и жена!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

(НЕАПОЛИТАНСКАЯ ПЕСЕНКА)

В Италии знойной, резва и мила,
Не очень молодая красотка жила,
Ничем не была знаменита,
И звали красотку Бенита.

Однажды, вечерней порой, из-за гор
В Италию прибыл Адольфо сеньор.
Влюбился он с первого взгляда
И тотчас запел серенаду:

«Бенита, Бенита, Бенита моя,
Тебе признаюсь я, любовь не тая,

Скорее раскрой мне объятья,
Желаю тебя целовать я!

За блеск твоих томных, чарующих глаз
Отдам тебе Крым, и Кубань, и Кавказ,
И всё, чем земля знаменита,
Тебе принесу я, Бенита!»

Красотка услышала эти слова,
И так закружилась у ней голова,
Что всё, что имела в ту пору,
Она подарила сеньору.

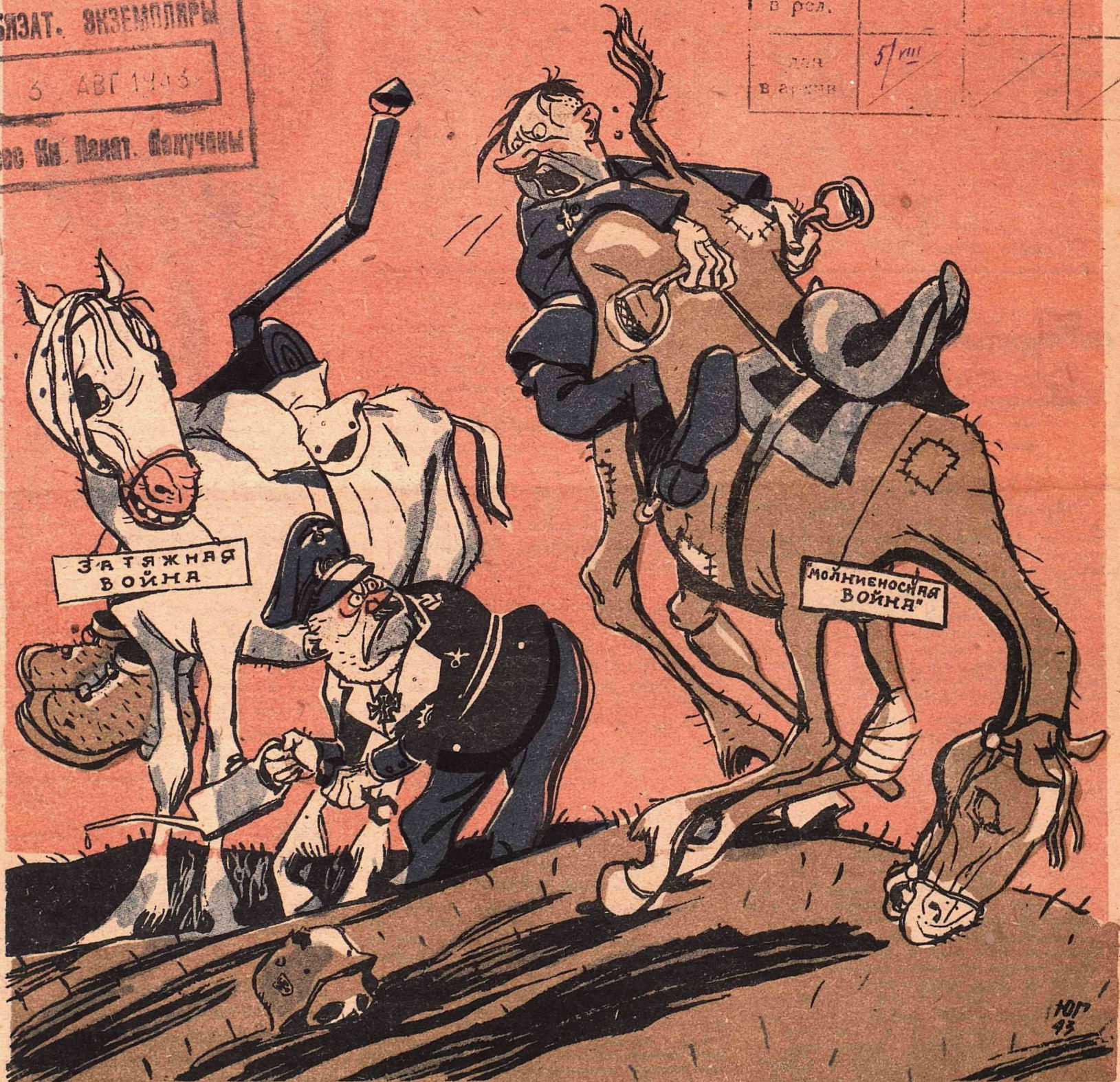
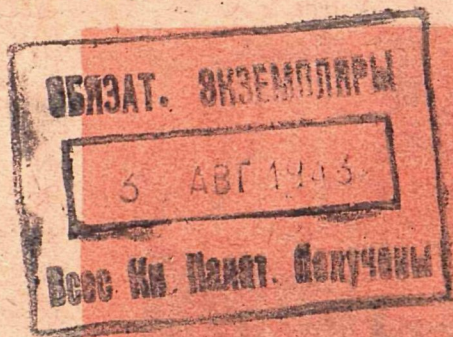
Не раз зажигалась луна,
Бенита забыта, Бенита бедна.
О, где же ты, берег кавказский?
Не платит сеньор ей за ласки...

В любовной интрижке коварство старо.
Сулил ей Адольфо чужое добро,
И вот получила Бенита
Разбитое в щепки корыто.

Я. САШИН

Действующий флот	„Лет“	„Журн. лет“
и сержант		
Получ. в рел.		
для в архив	5/III	

Рис. Ю. Ганфа

— Скорее давайте другую лошадь! Эта уже давно кончилась.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц. Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва, Изд. № 510

Подписано к печати 13/VII 1943 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 1407

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 1855.

Тираж—100 000 экз.